

Н.Г. Кедров
Вологодский государственный университет

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

*Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250
«Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства»*

Статья посвящена методологическим проблемам исследования историографии одной из важнейших проблем отечественной аграрной истории – коллективизации российского крестьянства. В ней представлен краткий обзор прежних работ по историографии «великого перелома». Также автор рассматривает ключевые вопросы исследования темы: проблему эволюции аграрной историографии, современную структуру дискурса в области изучения коллективизации и биографический аспект.

Историческая наука, аграрная историография, коллективизация, российское крестьянство.

Изучение вынесенной в заголовок темы позволяет увидеть одну существенную закономерность: чем более однородным был исторический дискурс в плане оценок коллективизации, тем реже были обращения к историографии как исследовательскому жанру.

В литературе периода 1930-х первой половины 1950-х годов историографических работ по проблеме осмысления коллективизации в исторической литературе практически не существовало. Впрочем, это можно объяснить тем, что сами события коллективизации были совсем недавним прошлым и в науке шло формирование темы как отдельного аспекта советской истории. К этому, однако, следует добавить то, что научный поиск ученых ограничивался теоретическими конструкциями заложенными в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Критика его положений была не допустима, а по этой причине не было и каких-либо дискуссий по проблеме (т.е. отсутствовал один из важнейших предметов историографического анализа).

С середины 1950-х годов ситуация резко изменилась. Историографический жанр стал широко востребованным среди историков советской деревни. Этому есть свои объяснения. Советская аграрная историография второй половины 1950 – конца 1980-х годов была весьма сложным явлением. В фокусе осмысления коллективизации сталкивались как научные подходы к изучению темы, так и общественно политические взгляды самих исследователей. Очевидно, что на изучение «великого перелома» существенное влияние оказали противоречия политического развития эпохи «оттепели». Часть исследователей (особенно среди молодых историков-аграрников) стремилась уйти от догматизма и иллюстративности, характерных для литературы предшествующего времени. С другой стороны им противостояли консерваторы, пытавшиеся сохранить незыблемость прежних догматов. За этим видимым противостоянием скорее общественно-политического, нежели научного свойства скрывались уже более глубокие, чисто исследовательские разно-

гласия, связанные с существованием различных концептуальных моделей осмысления темы. Основное научное противоречие, на наш взгляд, можно охарактеризовать как столкновение субъектного и объектного подходов. Субъектный подход был заложен еще сталинской историографией коллективизации. Он предполагал ее изучение посредством анализа действий абстрактного исторического субъекта в лице коммунистической партии. Объектный подход акцентировал внимание, прежде всего, на крупных исторических процессах как самостоятельных детерминантах исторического развития. Именно с таких позиций призвала рассматривать «великий перелом» ставшая программной для многих исследователей эпохи «оттепели» статья М. Кима и Г. Голикова, опубликованная в журнале «Коммунист» [34]. Следует также отметить наличие расхождений между отдельными авторами, работавшими в русле похожих исследовательских моделей. Наконец, в немалой степени популярности историографического жанра способствовала охранительная политика власти, поддерживающая некоторую табуированность темы для осуществления глобальных научных ревизий. В этих условиях обращение к жанру историографии открывало для части авторов возможность под видом описания научных дискуссий высказывать отдельные положения, обнаруживать которые обычным способом представлялось сложным. Очевидно, что в историографических обзорах В.П. Данилова, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина делался скрытый акцент на неподготовленности сталинской «революции сверху», жестокость методов ее осуществления и различных негативных издержках процесса [4; 16; 17; 54]. Их оппоненты также нередко прибегали к историографическому жанру для того, чтобы дезавуировать выводы историков-шестидесятников и минимизировать количество инноваций в изучении темы [7; 12; 40]. В итоге историографические работы, посвященные анализу литературы о коллективизации стали широко распространены в совет-

ской исторической науке [5; 48; 53; 55; 61]. На эту тему писали не только статьи и обзоры, но и книги, кандидатские и докторские диссертации. Весьма показательным в этом отношении стало появление историографических работ, посвященных характеристике исследований коллективизации по отдельным регионам СССР [1; 9; 36; 49; 56; 60].

С начала 1990-х годов эзопов язык историкам коллективизации стал уже не нужен. Исследователи теперь могли свободно оглашать результаты своей работы. Вместе с тем открывшиеся возможности отнюдь не способствовали развертыванию научной полемики. В результате широкой общественно-политической дискуссии рубежа 1980–1990-х годов победила точка зрения историков эпохи «оттепели», прежде всего В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого [44]. Впоследствии происходило развитие предложенной ими модели прочтения событий коллективизации. Несмотря на наличие расхождений в ряде вопросов, ведущие исследователи сходились в ключевых моментах осмысления темы в силу чего дискуссия по проблеме коллективизации стала носить вялотекущий характер, а историографические работы практически сошли на нет. В 1998 году увидела свет книга омского историка В.М. Самосудова, содержащая критический обзор советской и постсоветской историографии коллективизации. Разумеется, ее тон и оценки были совершенно иными, чем в историографических исследованиях советского времени, но направленность полемики исходила из спора между историками-шестидесятниками и их оппонентами. В силу этого книгу В.М. Самосудова можно оценивать как своего рода показатель безоговорочной победы первых над своими противниками в науке [52]. Пиком концептуализации новой парадигмы коллективизации, вероятно, следует считать рубеж 1990–2000-х годов, после чего вновь началось ветвление и усложнение дискурса по проблеме. В связи с этим наблюдается пока слабое возрождение интереса к историографическому жанру. Тем не менее, работы, которая бы освещала внутреннюю эволюцию развития темы коллективизации в российской науке до сих пор нет. Настоящая статья, разумеется, не претендует на полноту раскрытия темы и является лишь скромной попыткой определить некоторые системообразующие принципы ее изучения. В силу этого остановимся чуть более подробно на трех аспектах темы: 1) общей линии эволюции изучения коллективизации; 2) типологизации современных исследований по теме; 3) биографическом аспекте.

Проблема эволюции российской историографии коллективизации была ранее рассмотрена нами в ряде специальных публикаций [30; 32; 33], поэтому в настоящем случае остановимся на ряде самых общих моментов. Прежде всего отметим, что главным недостатком прежних обращений к теме (как в советской исторической науке, так и в наши дни) было рассмотрение историографии, используя терминологию Т. Куна, как кумулятивного процесса накопления знаний. Такой подход не позволял в полной мере увидеть как динамику научного движения, так и внутреннюю борьбу идей в изучении темы. Стремлением преодолеть этот недостаток продиктовано обращение к двум

инструментальным понятиям: научно-исследовательской программе и научной парадигме. Под первой мы понимаем комплекс концептуальных и методологических подходов, заявляемый исследователями на определенном этапе изучения темы. По сути это те принципиальные вопросы, на которые ученые пытаются найти ответ. Научно-исследовательская программа, по нашему мнению, определяет другие важнейшие характеристики изучения темы: используемые методы исследования, внутреннюю рубрикацию темы и иерархию отдельных сюжетов, способы архивной эвристики. Фактически каждая такая программа расставляет приоритеты в исследовательской практике. Научная парадигма – это совокупность наиболее характерных для данного историографического этапа представлений об объекте исследования и способах его познания. В определенной мере она является результатом программы. Таким образом, историография коллективизации в нашем прочтении предстает как череда научно-исследовательских программ.

Всего к нашему времени в изучении коллективизации существовало три таких программы. Первая из них сложилась еще в 1930-е годы, по ходу самого процесса «социалистического преобразования». В обобщенном виде она была представлена в «Кратком курсе истории ВКП(б)» [29]. Строго говоря, в ее основе лежали далеко не научные интенции. Знаменитый учебник истории партии был подчинен идейно-политической задаче обоснования правильности принимаемых руководством страны и лично И.В. Сталиным решений «на пути построения социализма в СССР». В силу этого любая критика «Краткого курса» в отечественной науке оставалась невозможной вплоть до смерти «вождя». Поэтому процесс изучения коллективизации сводился к иллюстрированию положений учебника конкретными примерами. Политические веяния эпохи «оттепели» привели к формированию новой научно-исследовательской программы исследования коллективизации. В ее основе лежал перенос акцентов с изучения политики партии на анализ объективных процессов истории села (социально-экономических, демографических и культурных). Однако эти намерения так и не были полностью реализованы в советской исторической науке. В первую очередь этому помешала противоречивость политической атмосферы и незавершенность ревизии сталинизма в советской общественно-политической и культурной жизни. Новая официальная концепция коллективизации, изложенная в трудах С.П. Трапезникова, не предполагала полного переосмысления темы [57]. Ее критика со стороны историков-шестидесятников сосредоточилась вокруг ряда наиболее проблемных вопросов, что также возвращало ход дискуссии в прежнее русло изучения государственной аграрной политики. События конца 1980 – начала 1990-х годов знаменовали конец этого историографического этапа исследования «великого перелома». Круг вопросов, стоящий в повестке новой научно-исследовательской программы, наиболее полно был изложен в статье В.П. Данилова «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», опубликованной в 1990 году в одном из номеров журнала «История СССР» [15]. Характеризуя степень реализации этой программы, нужно отдать

должное историкам-аграрникам, ее установки были полностью выполнены в исторической литературе 1990–2000-х годов. Сейчас, на наш взгляд, происходит формирование новой исследовательской программы, в связи с чем принципиальное значение имеет выяснение текущего состояния исследований по проблеме.

К настоящему дню так и не появились работы, характеризующие современную структуру дискурса в вопросе о коллективизации. Под современным этапом развития историографии следует понимать период с начала 1990-х годов, поскольку именно тогда сложилась доминирующая по сей день научная парадигма. В трудах В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина коллективизация рассматривалась как глобальное вторжение государства в жизнь деревни, насильственное по своим формам и разрушительное по последствиям. Работы этих же историков определили и набор наиболее приоритетных для исторического изучения сюжетов. Так, в исследовании событий и процессов, предшествовавших коллективизации приоритет был отдан поиску так называемых альтернатив, то есть возможностей для осуществления стоявших на повестке дня задач по интенсификации сельскохозяйственного производства иными методами, чем это было сделано на практике. При анализе собственно «великого перелома» важнейшее значение имели два сюжета: описание насильственных методов его осуществления и форм крестьянского сопротивления. В исследовании последствий процесса акцент был сделан на его негативных итогах [15; 22; 23; 34]. Эти принципы построения темы, декларируемые ведущими историками-аграрниками страны, серьезно повлияли на остальных исследователей коллективизации. В зависимости от отношения к теоретическим установкам научно-исследовательской программы 1990-х годов мы можем выделить четыре основных исследовательских стратегии.

Первая и самая распространенная из них – это написание конкретно-исторических (по большей части региональных) работ по тематике, заданной программой. Это направление представлено значительным числом исследователей, многие из которых ныне стали мэтрами современной аграрной историографии. Прежде всего, следует отметить работы Е.Н. Осолкова, Г.Ф. Доброноженко, Н.Я. Гущина, С.А. Красильникова, В.А. Ильных, С.А. Есикова, В.В. Кондрашина, Т.Д. Надькина, Е.А. Кирьяновой [13; 18; 20; 28; 35; 38; 41; 45; 46; 47; 50; 58]. Собственно говоря, именно благодаря их активной и плодотворной деятельности все основные сюжеты научной программы исследования коллективизации начала 1990-х годов были успешно реализованы в исследовательской практике. Здесь же можно отметить, что современная картина наших знаний о «великом переломе» во многом основана на исследованиях этих авторов.

Вторая стратегия связана с попыткой преодолеть заложенный программой вектор осмысления темы посредством создания работ по квазисоциальной истории села. Отчасти обращение к такому ракурсу было обусловлено распространением на рубеже 1990–2000-х годов в российской науке концепций социальной истории, в частности, изданием на русском языке

книги Ш. Фицпатрик «Сталинские крестьяне» [59]. В связи с этим часть исследователей попыталась несколько модернизировать свои способы прочтения темы. В данном случае имеются в виду работы С.И. Савельева, Г.Ф. Доброноженко, В.А. Бондарева [6; 19; 51]. Однако создать полноценные работы по социальной истории им так и не удалось. Вместо этого из-под их пера вышли исследования, неплохо освещающие социальную политику советского государства в деревне.

Некоторые авторы, отталкиваясь от оценок и подходов, заложенных программой, со временем перешли на «свои» темы. Написание конкретно-исторических работ, выходящих за рамки основной тематики научно-исследовательской программы, можно считать третьей исследовательской стратегией. В зависимости от предмета изучения внутри нее можно выделить несколько отдельных направлений: исследование системы управления деревней и ее отдельных звеньев (М.Н. Глумная, А.С. Левакин [11; 42]); проблемы истории крестьянской общины и функции самообеспечения в крестьянском сообществе (Т.В. Ефрина [21]); вопросы демографического и историко-географического развития деревни (Л.Н. Мазур [43]), социокультурная эволюция крестьянства (М.А. Гадицкая, Н.Г. Кедров [10; 31]). Достижением этого пласта историографии стало то, что в работах названных историков деревня и крестьянство стали рассматриваться не только как объект государственного воздействия, но и как детерминанты различных исторических процессов.

Наконец, последняя четвертая стратегия связана с формированием концепций, осмысливающих место коллективизации в контексте более глобальных социальных процессов. Создание подобного рода масштабных теоретических построений потребовало кооперации усилий больших научных коллективов, поэтому данное направление представлено творчеством прежде всего двух научных школ историков-аграрников: новосибирской и вологодской. В наиболее завершенном виде результат работы научных коллективов представлен концепциями эволюции аграрного строя России в XX веке (В.А. Ильных [25; 26; 27] и М.А. Безнина, Т.М. Димони [2; 3] соответственно).

В заключении выскажем несколько замечаний о биографическом аспекте изучения историографии коллективизации. На сегодняшний день обращение к творчеству отдельных историков-аграрников является чуть ли не единственным видом разработки историографии коллективизации [39]. Этот интерес в значительной степени вызван уходом из жизни крупнейших представителей поколения историков-аграрников периода 1960-х годов. Вполне понятно желание коллег и учеников отдать должное заслугам мэтров. Особенно повезло в этом отношении В.П. Данилову, творчеству которого посвящено сразу несколько биографических статей [8; 37]. Важным шагом стало и переиздание его собственных статейных работ по истории крестьянства отдельным двухтомником [14]. Однако сама ситуация увековечивания памяти того или иного ученого накладывает отпечаток на характер информации о персонажах подобного рода биографических работ.

Научная биография, по сути, превращается в агиографию. В результате этого складывается новая догматика, которая отнюдь не способствует познанию истины. Так, например, взгляды В.П. Данилова на коллективизацию в течении его длительной научной карьеры претерпели существенную эволюцию. Ученый прошел путь от попыток отыскать объективные предпосылки осуществления «великого перелома» на заре своей научной деятельности до полного отрицания существования какой-либо социальной базы сталинской «революции сверху» в работах рубежа 1990–2000-х годов. В его творчестве возможно увидеть несколько относительно самостоятельных концепций коллективизации. Вопрос о причинах эволюции его взглядов интересен сам по себе, но речь сейчас не об этом. По нашему мнению, восстановление реальной картины развития дискурса отечественной аграрной историографии в вопросе о коллективизации невозможно без объективной реконструкции творчества ряда ее ключевых фигур.

Литература

1. Алимбаев, Н.А. Историография опыта Коммунистической партии по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства Казахстана (конец 20-х – начало 80-х гг.): дис. ... канд. ист. наук / Алимбаев Н.А. – Алмата, 1984. – 201 с.
2. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: тезисы научного доклада / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2003. – 35 с.
3. Безнин, М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Москва, 2014. – 607 с.
4. Богденко, М.Л. История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин // История СССР. – 1962. – № 4. – С. 133–151.
5. Богденко, М.Л. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин. – Москва, 1961. – 55 с.
6. Бондарев, В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / В.А. Бондарев. – Ростов-на-Дону, 2005. – 580 с.
7. Ваганов, Ф. Преобразование сельского хозяйства / Ф. Ваганов // Коммунист. – 1966. – № 3. – С. 97–101.
8. Вылцан, М.А. Творческий путь Виктора Петровича Данилова / М.А. Вылцан, В.А. Емец, А.Н. Слепнев // Вопросы истории. – 2005. – № 9. – С. 150–162.
9. Гавриленко, Г.П. Советская историческая литература о деятельности партийных организаций Северного Кавказа по завершению коллективизации сельского хозяйства: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гавриленко Г.П. – Ростов-на-Дону, 1971. – 25 с.
10. Гадицкая, М.А. Женщины колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет / М.А. Гадицкая, А.П. Скорик. – Ростов-на-Дону, 2009. – 324 с.
11. Глумная, М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х – 1930-е гг.) / М.Н. Глумная – Вологда, 2011. – 293 с.
12. Голиков, В. Ленинская дорога советского крестьянства / В. Голиков // Коммунист. – 1967. – № 11. – С. 70–80.
13. Гушин, Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н.Я. Гушин. – Новосибирск, 1996. – 157 с.
14. Данилов, В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды / В.П. Данилов. – Москва, 2011. – Т. 1. – 863 с.; Т. 2. – 831 с.
15. Данилов, В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР / В.П. Данилов // История СССР. – 1990. – № 5. – С. 7–41.
16. Данилов, В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. Доклад на сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР» / В.П. Данилов. – Москва, 1969. – 147 с.
17. Данилов, В.П. О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР / В.П. Данилов, Х. Висенс // Вопросы истории. – 1954. – № 1. – С. 137–145.
18. Доброноженко, Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932 гг. / Г.Ф. Доброноженко. – Сыктывкар, 1994. – 194 с.
19. Доброноженко, Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века / Г.Ф. Доброноженко. – Санкт-Петербург, 2008. – 730 с.
20. Есиков, С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.) / С.А. Есиков. – Тамбов, 2005. – 122 с.
21. Еферица, Т.В. Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX – конец XX в.) / Т.В. Еферица. – Саранск, 2003. – 306 с.
22. Зеленин, И.Е. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса (осень 1930–1932 гг.) / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31–49.
23. Зеленин, И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия / И.Е. Зеленин // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 28–42.
24. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов) / Н.А. Ивницкий. – Москва, 1996. – 288 с.
25. Ильиных, В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность / В.А. Ильиных // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – Москва, 2013. – Вып. 8. – С. 225–232.
26. Ильиных, В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность / В.А. Ильиных // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 27–33.
27. Ильиных, В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы / В.А. Ильиных // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 130–141.
28. Ильиных, В.А. Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири / В.А. Ильиных. – Москва, 2010. – 342 с.
29. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс. – Москва, 1938. – 352 с.
30. Кедров, Н.Г. Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства / Кедров Н.Г. // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 154–171.
31. Кедров, Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н.Г. Кедров. – Москва, 2013. – 280 с.
32. Кедров, Н.Г. Основные этапы российской историографии крестьянства 1930-х гг. (к характеристике преемственности и дискретности в развитии историко-аграрной научной традиции) / Н.Г. Кедров // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX веков. – Коломна, 2013. – С. 561–571.
33. Кедров, Н.Г. Сталинская историографическая модель осмысления историографии российского крестьянства / Н.Г. Кедров // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 1. – С. 173–185.

34. Ким, М. Некоторые вопросы разработки истории советского общества / М. Ким, Г. Голиков // Коммунист. – 1954. – № 5. – С. 46–59.
35. Кирьянова, Е.А. Социально-экономические преобразования российской деревни в 1928–1937 годах (на материалах Московской области): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кирьянова Е.А. – Москва, 2006. – 51 с.
36. Ковалев, В.А. Партийное руководство социалистическим преобразованием сельского хозяйства на Украине до начала колхозного движения (1917–1929 гг.). Историография: дис. ... канд. ист. наук / Ковалев В.А. – Харьков, 1984. – 255 с.
37. Кондрашин, В.В. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века / В.В. Кондрашин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – Москва, 2013. – Вып. 8. – С. 160–186.
38. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне / В.В. Кондрашин. – Пенза, 2003. – 364 с.
39. Кондрашин В.В. Историко-аграрники России XX–XXI веков: творческий путь и научное сотрудничество / В.В. Кондрашин. – Прага, 2014. – 198 с.
40. Корольков, Н.В. Историческая литература об опыте КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства / Н.В. Корольков // Вопросы истории КПСС. – 1974. – № 3. – С. 116–124.
41. Красильников, С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – Москва, 2003. – 285 с.
42. Левакин, А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Левакин А.С. – Новочеркасск, 2009. – 30 с.
43. Мазур, Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.) / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург, 2011. – 471 с.
44. Мерль, Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства / Ш. Мерль // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – Москва, 1996. – С. 373–387.
45. Надькин, Т.Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии) / Т.Д. Надькин. – Саранск, 2006. – 158 с.
46. Никитина, О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы) / О.А. Никитина. – Петрозаводск, 1997. – 131 с.
47. Осолков, Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 годов в Северо-Кавказском крае / Е.Н. Осолков. – Ростов-на-Дону, 1991. – 91 с.
48. Погудин, В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк / В.И. Погудин. – Москва, 1975. – 276 с.
49. Рутковский, М.А. Деятельность коммунистических партий прибалтийских республик по социалистическому преобразованию сельского хозяйства (1944 – начало 1950-х гг.) Историография проблемы: дис. ... канд. ист. наук / Рутковский М.А. – Ярославль, 1984. – 219 с.
50. Савельев, С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-волжском крае / С.И. Савельев. – Саратов, 1994. – 149 с.
51. Савельев, С.И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Савельев С.И. – Саратов 2005. – 35 с.
52. Самосудов, В.М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – сер. 1990-х годов) / В.М. Самосудов. – Омск, 1998. – 141 с.
53. Селунская, В.М. Ленинский кооперативный план в советской историографии / В.М. Селунская. – Москва, 1974. – 64 с.
54. Селунская, В.М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР / В.М. Селунская // Вопросы истории. – 1956. – № 11. – С. 195–201.
55. Смышляев, В.А. Торжество ленинского кооперативного плана (историографический очерк коллективизации сельского хозяйства) / В.А. Смышляев. – Ленинград, 1972. – 128 с.
56. Таран, В.П. Историография сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Таран В.П. – Ростов-на-Дону, 1966. – 22 с.
57. Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос / С.П. Трапезников. – Москва, 1967. – Т. 1. – 566 с.; Т. 2. – 622 с.
58. Филатов, В.В. Уральское село. 1927–1941 гг.: раскулачивание / В.В. Филатов. – Магнитогорск, 2010. – 333 с.
59. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня / Ш. Фицпатрик. – Москва, 2001. – 421 с.
60. Ченцов, Ю.Д. Советская историография деятельности КПСС по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ченцов Ю.Д. – Воронеж, 1969. – 20 с.
61. Чинчиков, А.Н. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР / А.Н. Чинчиков. – Москва, 1971. – 222 с.

N.G. Kedrov

THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE PEASANTRY COLLECTIVISATION: PROBLEMS OF STUDYING

The article describes the methodological problems of historiographic research of one of the main problems of Russian agrarian history – the collectivization of the Russian peasantry. In the article, the short review of former works on historiography of the *Great Turn* is presented. The author also considers key questions of the research in this sphere, i.e. the problem of agrarian historiography evolution, the modern discourse structure in the field of studying collectivization, and the biographic aspects.

Historical science, agrarian historiography, collectivization, Russian peasantry.